

вія, предпреждающая самую кару. Но эта обязанность является еще более тяжелой в то время, когда действенность полиции должна проявиться во всей своей силе, во всей своей напряженности, когда бывают народные гуляния, когда бывают храмовые праздники, — когда бывает скопление боязливой массы народа, когда рабочий человек, уходящий от труда, хочет свое горе защитить вину: в то время на полицей лежит самая тяжелая обязанность. Вот тут обстоятельства, при которых находился Шмелевъ 17 апреля. Средиъ, данныхъ для осуществления его обязанностей, были крайне отрицательны. Вы слышали, что присяжные заседатели, что въ распоряжении Шмелева, для окончания порядка во время скопления, чуть не подорвали населенія Харькова на Михайловской площади, было, всего, шесть полицейскихъ чиновъ. Вотъ съ этой то жалковъ, можно сказать, силой онъ долженъ былъ исполнять ту обязанность, которая возлагается на него закономъ. Между тѣмъ никакъ обстоятельства такого рода: на Михайловской площади, противъ зданія юридической части, есть домъ купца Умрененка; Умрененковъ, занимающійся подрядами, держитъ у себя артель рабочихъ, — по показанію свидѣтелей видно, что у него до 60 человѣкъ рабочихъ; эти рабочие, по всейѣ вероятности, тоже были чиновни, по слуху праздника Пасхи, завязались съ народомъ, а затѣмъ обратились съ небосновательными требованіями къ женѣ Умрененка [?]. Г. Умрененковъ испугался, бросился заявить обѣ этомъ въ полицію; но, не найдя тамъ пристава, обратился къ знакомому человѣку, г. Савельеву, чтобы тотъ оказалъ ему помощь. Изъ этого обстоятельства можно видѣть, на сколько драки, происходившая передъ домомъ Умрененкова, была сильна, та на сколько она угрожала спокойствию и безопасности дома Умрененкова. Затѣмъ является въ полицію дворникъ Умрененкова, и, уже по его требованію, даже въ отсутствіи Шмелева, сами инженѣе военные чиновники: Степановъ, Чадилъ и Шаповаловъ отправляются разогнать толпу. Явившись на мѣсто драки, они убѣждаются народа, имъ указываются на зачинщиковъ, они, по закону, обданными арестовать, производить арестъ; но, не доводя арестованныхъ до части, какъ показываетъ Степановъ, они преслѣдуютъ толпой. Степановъ является въ полицейскую часть, заявляетъ помощнику пристава Морозову, что онъ самъ не въ силахъ справляться и требуетъ его сопственности. Является Морозовъ, производитъ аресты, которыхъ ему нельзяставить въ вину. Наконецъ является вмѣстѣ съ Умрененковымъ и приставомъ Шмелевъ, находитъ, что толпа никако не разогналась и волненія не унимаются; въ виду прекращенія волненій въ народѣ, требуетъ разойтись, но народъ пересадится. Въ виду памятного показанія выявленаго обвиненнемъ свидѣтеля Степанова, который показалъ, что въ дашній, момента толпа нахлынула до такой степени, что едва не втиснула ихъ самихъ во дворъ. Тамъ не менѣе приставъ Шмелевъ исполнитъ ту обязанность, которая на немъ лежала, приказавъ арестованныхъ отнести въ часть. Ихъ повели. Казалось бы, дѣло кончилось. Если они находили, что аресты были произведены неправильно, что они наказаны безъ достаточнаго уважительныхъ причинъ, они имѣли право заявить обѣ этомъ начальству и, понятное дѣло, хорошее, доброе начальство накажетъ виновныхъ. Но нѣты они собственою свою расправо хотятъ наказать полицію. Но вѣдь аресты были и прежде. Отчего же полицію прежде не наказывали? Понятное дѣло, что это дѣлалось, такъ сказать, въ озлобленіи, которое скопилось не часами, не днями, не годами, а можетъ быть десятками лѣтъ. Быть можетъ, чаша переполнилась. И родъ, въ озлобленіи, вымытъ пылью, преслѣдуетъ пристава Шмелева. Сначала, какъ выражается большинство свидѣтелей, недовольство выражалось токсикемъ, затѣмъ свистками, затѣмъ угрозами и, наконецъ, камнями. Приставъ растеръ. Въ виду сомнѣнія обвинителя въ томъ, что Шмелевъ былъ раненъ до выѣзда команды, защитники, ссылаясь на свидѣтельскія показанія Морозова, доказывали, что действительно Шмелевъ былъ раненъ въ первый разъ до выѣзда пожарной команды. Шмелева толпа преслѣдовала и вмѣстѣ съ тѣмъ преслѣдовала и полицейскихъ чиновниковъ: Тимошенко и Богдановъ, также подтвердили это. Такимъ образомъ, сомнѣніе прокурорскаго надзора продолжаетъ защищникъ, въ вашихъ глазахъ не можетъ иметь значенія, такъ какъ оно не оправдывается тѣми данными, ко-

не руководствоваться этимъ обычаемъ ни одинъ полицейскій чиновникъ не слыхалъ. А по моему мнѣнію, что не запрещено подъ грахомъ наказанія, то не составляеть ни проступка, ни преступленія и карается закономъ не можетъ. А что обличъ этого общественныи — это вѣдь подтверждается циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ. Изъ этого циркуляра видно, что одновременно почти съ происшествіемъ 17 — 18 апреля 1872 г. въ Харьковѣ, въ одной изъ губерній бывъ такого же рода случай, что приставъ не только выѣхалъ съ пожарною командою, но и поливалъ народъ водой, и хотя при этомъ совершились аресты въ виновныхъ, и невиновныхъ, но это осталось безъ особенно дурныхъ послѣдствій, и мы не имѣмъ свѣдѣній, чтобы этотъ приставъ, который дозволилъ себѣ поливать народъ водой и дѣйствія котораго известны министру, чтобы онъ былъ предъ судомъ и сидѣть на скамье подсудимыхъ. Эта доля пала на г. Шмелева. Въ виду чего же пала на него эта доля? Въ виду того, говорить, что по приказанию Шмелева, пожарная команда разѣзжала, давила народъ. Въ дѣлѣ этого не видно. Никто не смысль заинкунуться о томъ, что Шмелевъ кому-либо не только словомъ, но даже намекомъ приказывалъ, или даже спокойно смотрѣлъ на то, какъ давать народъ. Никто этого изъ всѣхъ свидѣтелей, ихъ было 55, не осмѣялся даже полусловомъ объ этомъ заинкунуться. Г. Мальцевъ говорилъ, будто Шмелевъ приказывалъ: «Бей всѣхъ и каждого»; но чѣмъ же это подтвердило? Ни чѣмъ. Тѣ самыи жандармы, которыи стояли вмѣстѣ съ ними у кассы театра, въ которомъ онъ находился, ни одинъ изъ нихъ не слыхалъ этихъ словъ. Поэтому къ показанію Мальцева надо относиться съ крайнимъ недовѣріемъ; самце неприличные жесты, съ которыми свидѣтель давалъ свое показаніе, доказываютъ предъзитый взглядъ на дѣло. Однако всѣ эти убийства приписываются Шмелеву, обвиненіе даже приписывается ему смерть Сокирченкова ребенка. Но вы слышали, гг. присяжные засѣдатели, что Сокирченкова на судѣ здѣсь говорила, что въ то время, когда она попала подъ лошадь, не только пожарная команда стояла на мѣстѣ, не только исѣ лошади, находились въ спокойнѣшемъ состояніи, по даже народъ былъ въ спокойномъ состояніи; она говорила, что въ тотъ моментъ толпа собралась, пожарные стали поливать и больше ничего; между тѣмъ на нее наскакивала лошадь. Я не знаю, можетъ быть, сидѣвшій на этой повозкѣ и правившій лошадью бытъ немножко выпивши, можетъ быть, лошадь испугалась кого-нибудь и могла наѣхать на женщину; но не доказано, чтобы смерть этого ребенка послѣдовала исключительно отъ воли че только Шмелева, но и кого-либо изъ пожарныхъ или полацкихъ солдатъ. Затѣмъ свидѣтель со стороны обвиненія, г. Акименко, который отъначала до конца сѣдѣлъ за выѣздомъ какъ казакъ, такъ равно и пожарной команды, свидѣтельствовалъ передъ вами, что во все время пожарной команды входа тихо, спокойно, что Шмелевъ не только не позволялъ себѣ кричать, но даже не позволялъ себѣ размахивать руками, онъ стоялъ спокойно. Этотъ свидѣтель, который прослышилъ каждъ шагъ обоза, передъ вами свидѣтельствовалъ, что быль ли кто-нибудь раненъ или убитъ, или сбитъ лошадью, онъ рѣшительно не видѣлъ. Затѣмъ обвиненіе указывало на нѣльность показаній свидѣтелей, вызванныхъ со стороны защиты. Если нѣкоторые изъ этихъ свидѣтелей говорили нѣльности, то это произошло вслѣдствіе того, что это народъ церазвѣтый. Напримеръ, г. прокуроръ ссылается въ этомъ случаѣ на свидѣтеля Мойсеенко, который говорилъ, что они ничего не видѣли, потому что какъ только выѣхали, его «убили». Понятное дѣло, указывать на такого свидѣтеля неѣ основанія. Затѣмъ, когда кончились показки пожарными трубами, толпа все-таки не расходилась; въ это время, говорить, Шмелевъ былъ въ нехорошемъ настроеніи, говорить, будто онъ безъ всякой причины былъ солдатъ, и указываются на Дегтеревъ, котораго будто бы побилъ Шмелевъ и притомъ безъ всякой причины. Но къ этому доказанію, гг. присяжные засѣдатели, надо относиться чрезвычайно критически. Меня упрекаютъ въ томъ, что я при производствѣ судебнаго слѣдствія обращала особенное вниманіе главнымъ образомъ на то обстоятельство, что въ данномъ случаѣ сѣдало бы то или другое лицо. Говорить, будто это дѣло экспертовъ.

Но дѣло въ томъ, что первый изъ этихъ вопросовъ былъ предложенъ не мною, а г. предѣдателемъ для раскрытия истины, и очевидно г. предѣдатель суда имѣлъ на это свои основанія, съ которыми я соглашался; именно мы очень важно было знать то обстоятельство, было ли положеніе Шмелева такъ чрезвычайно, что эта мѣра могла быть даже оправдываема, хотя она была воспрещена закономъ. Но какъ я объяснялъ вамъ, эта мѣра поливки водой никакимъ закономъ не воспрещена, она запрещена только циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ 18-го мая 1872 года, а до того она, никакою властью не была запрещена. Обвинитель въ своей рѣчи согласился съ тѣмъ, что полиція имѣетъ право производить аресты, но что она должна прибѣгать къ этимъ арестамъ и къ этой мѣрѣ въ крайнемъ случаѣ. Нѣтъ, это невѣро. Въ каждомъ случаѣ, если только нарушенъ порядокъ и благочиніе, полиція приводитъ всякаго къ исполненію закона, и, какъ говорятъ законъ, не взирая ни на какое лицо. Вотъ дѣйствительное требованіе отъ полиціи, а чтобы г. Шмелевъ пользовался въ громадномъ размѣрѣ своимъ правомъ арестовывать — этого изъ дѣла не видно. Изъ дѣла видно, что арестовано полиціей во время беспорядковъ только 4 человека. Но эти аресты, какъ вамъ изъ дѣла известно, были вызваны необходиностью, именно требованіемъ со стороны Умбренкова для спасенія его имущества. Вамъ, гг. присяжные засѣдатели, указываетъ на то обстоятельство, что Шмелевъ долженъ быть наказанъ за то, прежде всего, что имъ произведены были неправильные аресты, безъ всякихъ уважительныхъ причинъ, затѣмъ онъ долженъ быть судимъ за то, что вызвалъ своими распоряженіями такого рода события, послѣдствиемъ которыхъ была смерть, увѣчья. Но гдѣ же мы видимъ такого рода распоряженія со стороны Шмелева? Я по-крайней-мѣрѣ не читаю. Заключительный засѣдатель свою рѣчу следующими словами: «Я, гг. присяжные засѣдатели, не считаю себя въправѣ требовать отъ васъ помилования. Вы и не имѣете права миловать. Для настѣпомилованія тогда только важно, когда оно вытекаетъ не изъ чувства сожалѣнія, а изъ чувства убѣждѣнія въ невинности подсудимаго. Такимъ образомъ, отрѣшился отъ того взгляда, отъ тѣхъ систѣмъ, которыя носились по городу, и отъ тѣхъ сплетенъ, когда литература наша, радиусъ какому-нибудь скандалчику относящемуся къ полиціи — она, эта грошовая литература грязнить и бросасть въ человѣка грязь. Вы, гг. присяжные, пришли сюда открыть истину. Скажите же обществу, насколько есть правды въ томъ, что рисуютъ въ карикатурахъ и пишутъ въ газетахъ. Повторяю, что я не прошу у васъ помилования Шмелеву; я вижу, что Шмелевъ въ данномъ случаѣ былъ ограбленъ, былъ выгнанъ изъ службы, опозоренъ. Довольно съ него! Онъ не заслужилъ этого! Онъ имѣть право требовать отчета отъ другихъ, но не другого отъ него; онъ сдѣльть то, что ему долгъ рѣфль, онъ поддерживать честь полиціи — великаго учрежденія, которое намъ денно и нощно служить за самое грошевое вознагражденіе!»

засѣданіе 7-го июля.

Подсудимый Шмелевъ [обращаясь къ присяжнымъ]. „Гг. присяжные засѣдатели! Вы слышали вчера обвинительную рѣчу прокурора и рѣчь защитника, которыхъ высказали вамъ дѣло какъ съ одной, такъ и съ другой стороны. Я, съ своей стороны, не буду разбирать на того, ни другого; но при обсужденіи моего проступка я прошу обратить вниманіе на то, что я, прежде самаго суда достаточно потерпѣлъ: лишился имущества, службы, я удаленъ отъ службы безъ прошенія; наконецъ, мое доброе имя было уничтожено и стало нарціательнымъ именемъ чутъ не по всему земному шару; стоящимъ именемъ уничтожилось и доброе имя моей семьи, которая, миз кажется, ни въ чёмъ не повинна. Слѣдовательно, карать меня и винѣть съ тѣмъ мою семью едва-ли возможно. Проступокъ мой я не буду отвергать, а также и то, что онъ не долженъ быть наизнѣ, но скажу винѣть съ тѣмъ, что относясь къ нему равнодушно, можно прійти къ заключенію лишь въ томъ, что съ моей стороны умышленности и преднамѣренности не было. Еслибы этотъ случай произошелъ при другихъ условіяхъ, то я думаю, что такихъ грустныхъ послѣдствій, какія были, не было бы. Къ чему мой поступокъ можетъ относиться? Къ

шесообразительности, вспышчивости. Могу только сказать, что это была несчастная минута. Возможно ли за эту несчастную минуту, въ которую каждый человѣкъ можетъ по- пасть, карать его? На столько ли и вредны человѣки для общества, что меня непремѣнно нужно карать, или, можетъ быть, можно пощадить? При решеніи моей участіи я прошу васъ вспомнить тѣ обстоятельства, которыхъ я, сколько могъ, обрисовалъ и если вы ихъ вспомните, я сконцентрирую участіе въ ваши руки, знаю, что у васъ другаго закона, кроме закона совѣстіи, нѣтъ".

Вопросъ суда и отвѣтъ присяжныхъ:

1) Виновенъ ли приставъ 2-го участка харьковскаго городскаго полицейскаго управления, коллежскій секретарій Михаилъ Федоровъ Шмелевъ, 30 лѣтъ, въ томъ, что 17-го апреля, въ 12 час., въ г. Харьковѣ, во время народного гулянья на Михайловской площади, при исполненіи обязанностей службы, произвелъ безъ всякой достойно-уважительной причинѣ透过 полицейскихъ и пожарныхъ солдатъ аресты нѣсколькихъ частныхъ лицъ, которыхъ, по его распоряженію, были задержаны и отведены внутрь зданія 1-й части, где и были оставлены нѣсколько часовъ? Отвѣтъ присяжныхъ: "нѣтъ, не виновенъ".

2) Виновенъ ли тотъ же Шмелевъ въ томъ, что 17-го апреля 1872 года, въ г. Харьковѣ, во время народного гулянья на Михайловской площади при исполненіи обязанностей службы, находясь въ состояніи заразливости и раздраженія, и желая разогнать собравшуюся на площади толпу народа, приказалъ сначала верховому пожарному солдату бросаться на толпу, который вслѣдствіе этого двинулъ въ карьеръ въ густую толпу, скакалъ по площади въ разныхъ направленияхъ, хлысталъ нагайкой на право и на лѣво, причемъ нѣкоторыхъ изъ бывшихъ въ толпѣ лицъшибъ съ ногъ, а затѣмъ онъ, Шмелевъ, приказалъ пожарному огню вѣздѣти по Михайловской площади среди густой толпы народа корюю рѣсью и обливать народъ воду, вслѣдствіе чего пожарная команда пускала на народъ воду, вѣзла по площади скорою рѣсью и въ карьеръ, причемъ обозомъ этимъ, есть всякаго, впрочемъ, со стороны Шмелева обдуманного намѣренія, или нѣсколькимъ лицамъ нанесены жестокіе ушибы, таковыя же раны поврежденія, имѣвшія своимъ послѣствиемъ смерть нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ?" "Нѣтъ, невиновенъ".

3) Если Шмелевъ виновенъ по первому вопросу, то означенніе въ этомъ вопросѣ распоряженія его, относительно разѣздовъ верхового солдата по площади среди толпы народа, затѣмъ относительно обливанія водой и быстрыхъ разѣздовъ пожарной команды по площади были ли вызваны тѣмъ, что по настоятельнымъ причинамъ онъ, безъ видимой опасности и вреда для службъ, не могъ не прибѣгнуть къ здѣмъ мѣрамъ? Этотъ вопросъ оставилъ присяжными безъ отвѣта.

Приговоръ суда: бывшаго пристава 2-го участка г. Харькова Шмелева, признаннаго присяжными заседателями не виновнымъ въ прозведеніи неправильныхъ арестовъ и задержаний нѣсколькихъ лицъ безъ законныхъ на то основаній, 17-го апреля 1872 года, во время бывшаго на Михайловской площади гулянья, а также признаннаго не вынужденнымъ въ превышеніи власти и распоряженій по обязанностямъ своей службы, послѣдствиемъ каковыхъ распоряженій было нанесеніе нѣкоторымъ изъ гулявшихъ на площади лицъ тяжелыхъ ранъ и поврежденій, оканчивавшихся смертьюъ лицъ, на основаніи 1 п. 771 уст. угл. суд., считать по суду правдивымъ. Судебный по дѣлу здерѣки, на основаніи 999 ст. уст. гол. суд., принять на счетъ казни.

— Вѣнскій корреспондентъ "Национальныхъ Листовъ", отъ 10 [22] іюня, пишетъ: "Если вѣрить официальными свѣдѣніями, то холера, дѣятельно, въ послѣдніе дни, нѣсколько ослабѣла, хотя о какомъ-нибудь рѣшительномъ ея исчезновеніи не можетъ быть рѣчи, такъ какъ, въ каждымъ жаркимъ днемъ число заболевшихъ сейчасъ же увеличивается. Ошибся бы тотъ, кто поумалъ бы, что, въ виду грозящей пидеміи, органы санитарной комиссии немедленно примутъ за необходиимы мѣры противъ распространѣя болѣзни: они действуютъ съ рѣжней боязливостью. Предсѣдатель французской комиссіи присяжныхъ вчера умеръ въ извѣст-

ной, по числу заболевшихъ, госпинице "Донау", отъ тифа, который онъ получилъ вслѣдъ за холерой. Между войсками, расположеннымъ въ баракахъ передъ всемирною выставкой и назначенный для присмотра и для ночной стражи, также обнаружилось нѣсколько холерныхъ случаевъ, вслѣдствіе дурной воды на почвѣ всемирной выставки, болотистой и пропитанной водою изъ Дуная. Черезъ нѣсколько дней окончится первая четверть года существованія всемирной выставки. Какой же балансъ выйдетъ изъ этой четверти? Много ли денегъ попадетъ въ кассу? Даже самый удачный день еще не приносилъ [при пѣтии за входъ 50-ти крецеровъ] болѣе 20,000 гульденовъ. Присяжные, которые должны были окончить свои занятія къ 3-му [15-му] июля, до сихъ поръ работаютъ и не будутъ готовы даже къ концу маѣца, ибо изъ 110000 на эту выставку, изъ которыхъ 100000 на здѣсь, въ

Парижскій корреспондентъ газеты "Гардѣансъ Белг" передаетъ, какъ слухъ, что шахъ, несмотря на то, что, при отѣзѣѣ въ Европу, онъ потребовалъ отъ своихъ поданныхъ налоговъ за цѣлый годъ впередъ, вовсе не отличается щедростью. Рассказываютъ, напримѣръ, изъ вѣрнаго источника, что онъ купилъ браслетъ чтобы подарить его г-жѣ Мак-Магонъ, но не заплатилъ денегъ, ссылаясь на то, что его подарокъ слѣдуетъ поставить на счетъ города Парижа. Узнавъ объ этомъ, г-жа Мак-Магонъ отослава подвесенный ей браслетъ,

— "Journal de St.-Petersbourg" передаетъ слѣдующія любопытныя подробности о жизни и судьбѣ Джонатана Бильзса Бута, извѣстнаго убийцы президента Линкольна. По сѣверной Америкѣ ходитъ легенда, весьма распространенная, что Бутъ живъ и живеть подъ другимъ именемъ въ Швеціи или въ Канадѣ. До своего преступленія онъ пользовался, какъ гениальный актеръ, огромной извѣстностью въ Америкѣ. Призваніе къ театру обнаружилось въ немъ весьма рано; онъ дебютировалъ 15 лѣтъ. Съ первого появленія онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе, усилившееся еще вслѣдствіе впечатлій, которое производила его замѣчательная красота и особенный тембръ голоса, звучный и выразительный. Любимыемъ репертуаромъ его были творенія Шекспира: Гамлетъ, Отелло, Макбетъ. Но лучшей его ролью, торжествомъ его была роль Брута въ "Смерти цезаря". Когда онъ игралъ эту роль, это было уже не сценическое представление, не разыгрывавшееся на театрѣ драма, то была сама жизнь, горячая и трепещущая. Зрители переносились двумя тысячами лѣтъ назадъ; передъ ними былъ не гениальный актеръ, передающій гениальное произведеніе поэта, — передъ ними была волнуемый духъ древнаго республиканца; американецъ сливался съ римляниномъ, актеръ переходилъ въ человѣка, живущаго дѣствительной жизнью на сценѣ. Однажды появленія Бута въ этой роли было достаточно, чтобы возбудить восторгъ и рукоѣсканія безумнаго энтузиазма въ публикѣ. Одного его имени па афишѣ было довольно, чтобы наполнить залу. Пятнадцать лѣтъ разѣждалъ Бутъ въ Америкѣ и игралъ "Смерть цезаря", возбуждая повсюду однаковый восторгъ. Бутъ чувствовалъ и понималъ, что онъ гениальный актеръ, но мрачный и гордый по прорѣдѣ, привычный рукоѣсканія, какъ должную ему дань. Вспыхнула война съ югомъ. По происхожденію и уображеніямъ Бутъ принадлежалъ югу. Онъ уѣхалъ во Францію, но не выдержалъ и скоро вернулся. Странно измѣнился этотъ могучій духъ, этотъ огненный темпераментъ. Бутъ сталъ задумываться, онъ молчалъ по цѣлымъ днамъ, иногда у него прорывались фразы въ родѣ слѣдующей: Я убью Тирана! да, я убью его! Кого тирана? Конечно Линкольна. Душа Брута перешла въ представившаго его актера. Линкольнъ, одолѣвший его родину, былъ для него тѣмъ, чѣмъ для Брута была тѣнь цезаря. Извѣстный французскій актеръ Готтъ, сдѣлался побѣреннымъ внутренней борьбы, которая совершилась въ немъ, но замыселъ, который созрѣвалъ въ его душѣ, оставилъ тайной для всѣхъ. Черезъ нѣсколько времени слѣдѣтъ узналъ о совершившемся преступлѣніи. Случилось это при слѣдующей обстановкѣ. Линкольнъ сидѣлъ въ театрѣ въ президентской аланѣ — сцѣнѣ, рядомъ съ женой; сидѣлъ письмо. Стюардъ. Президентская алань — сцена въ вишнинскомъ театре находится у самой сцены, немногого выше ея; г. Линкольнъ что-то говорилъ, склонившись къ своей женѣ. Въ это

